

УДК 393 (470.65)

ПОМИНАЛЬНАЯ ТРАПЕЗА У ОСЕТИН**Кокоева А.Б.***ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева ВШЦ РАН и Правительства РСО-А», Владикавказ, e-mail: soigsi@mail.ru*

Поминальная трапеза – самый консервативный и уникальный феномен из традиционных обрядовых застолий осетин. Она выделяется не только внешней формой и структурой, но и содержанием, функцией и назначением. В ней сохранились пережитки древних религиозных верований и представлений, семиотическое восприятие вселенной; основывается она на эмпирическом осмыслении бинарной оппозиции противопоставления бытия и небытия, жизни и смерти, земного и потустороннего, преисподней и небес, «мирского» и траурного. Согласно анимистическим верованиям осетин, человек не умирает, а происходит его кончина, переход из этого ложного (мæнг) мира в другой, действительный, мир (æцæг дуне), где ему также необходимы важные жизненно необходимые предметы: пища, одежда и др. Этот переход сопровождается ритуальным застольем.

Ключевые слова: культ мёртвых, «кормление» покойника, еженедельные поминальные поминовения «сабатизæртæ», поминальный ужин «æхсæвæр», обычай покрытия лица усопшего

OSSETIAN MEMORIAL REPAST**Kokoeva A.B.***Federal State Budget Institution «V.I. Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences and Republic of North Ossetia – Alania», Vladikavkaz, e-mail: soigsi@mail.ru*

Memorial repast is the most conservative and the unique phenomenon of the Ossetian traditional ritual feasts. It combines as the external form and structure, and the content, function, purpose. It preserved remnants of ancient religious beliefs and views, semiotic perception of the universe, it is based on empirical understanding the binary opposition of the opposition of being and non-being, life and death, earth and the underworld, hell and heaven, secular and mournful. According to the animistic beliefs of the Ossetians, the person does not die, and his death occurs, the transition from the false (mæng) of the world to another, valid, peace (ætsæg dune), where he also needed vital important things: food, clothes, etc. This transition accompanied by a ritual feast.

Keywords: the cult of the dead, «feeding» the dead man, the weekly memorial of remembrance «sabatzærtæ», memorial dinner «æhsævæ», custom cover face of the deceased

Как только укладывают усопшего в гроб, у изголовья появляется маленький столик для поминальной еды, на который ставятся хлеб, вода, напитки, зерно и постоянно зажигаются свечи. К сожалению, в настоящее время этот обряд превратили в гастрономические излишки с конфетами, фруктами, пирогами и даже кладут курицу, что противоречит всем устоям наших предков. Из всех предметов, которые лежат у изголовья, особая роль отводится пшенице. Осетины связывают это с умирающей и рождающей природой человека. Он сеет на том свете пшеницу, которая даёт новые всходы. К примеру, Тина Очиаури, известный грузинский этнолог, считает, что пшеничное зерно на том свете даёт всходы и становится пастбищем для стада овец усопшего. В то же время эти воззрения исходят из представлений о продолжении в потустороннем мире земной жизни, согласно которой урожайность зерна, всходы семян, их рост, развитие и созревание зависят от воли не только земного, но подземного царства [Очиаури, 1987: 11]. В честь усопшего закалывают животных.

Ещё в XIX веке видные учёные обратили внимание на то, что не было худшего

проклятия для осетин, чем «чтоб твои покойники на том свете голодали», и поэтому прилагались все усилия, чтобы «накормить» их, причём это «кормление» принимало и принимает очень большие размеры.

Поскольку пища – главное условие физического существования, то, следовательно, души покойников «усердно угощаются». Естественно, что осетины, как и другие народы мира, верили в существование загробной жизни и в то, что по отношению к покойнику нужны заботы, поэтому накопление богатства у осетин было не только средством существования, но и возможностью достойно похоронить родича. «Богатые же семейства издерживают на исправление годичной поминки до 100 рублей. Так, например, одно семейство во втором участке Владикавказского округа приготовило на эти поминки 15 котлов пива, до 100 ведёр араки, зарезало 30 штук рогатой скотины, 300 штук баранов и 30 штук копчёных баранов» [Терские ведомости № 47:2]. Это лишь один из примеров разорительных поминок у осетин. По их представлению, умерший не может «голодать» на том свете при таком обилии еды.

Первоначально, подобно другим народам, осетины кормили покойников ежедневно, готовили им любимые кушанья, которые относили на могилу. На кладбище участники трапезы поедали пищу, а остатки оставляли на могиле. Позже, ввиду чрезмерной обременительности, как писал Г.Ф. Чурсин, «ежедневное кормление сменяется еженедельным, хотя, обедая раз в неделю, казалось бы, трудно себя чувствовать сытым. Но и еженедельное «кормление» мёртвых становится затруднительным. Возрастающая забота об улучшении своего собственного существования постепенно ослабляет разорительную привязанность к мертвым, и периодическое кормление их делается всё реже и реже. Так возникает обычай поминальных обедов и приношений» [Чурсин, 1913: 165–166].

Первоначальный смысл поминального обычая осетин «*сабатизэртæ*» прекрасно описал В.Ф. Миллер: «Каждую пятницу вечером, в течение целого года, женщины семьи, в которой произошла смерть, забрав в доме всё, что накоплено в течение недели – яйца, сыр, лепёшки, иногда кур и куски баранины, – идут на могилу, куда собираются все замужние женщины всего аула и вдовы, и там после обычных приговоров угощают всех пришедших. Вследствие этих угощений семья покойника отказывает себе во всём в течение года и живёт впроголодь» [Миллер, 1992: 471].

Надо отдать должное прозорливости автора и его знанию осетинской психологии, чтобы подчеркнуть: «Зато все женщины имеют каждую пятницу даровой обед на кладбище. Мужчины сильно восстают против этого обычая, но женщины всячески отстаивают его. Действительно, кладбище является как бы женским клубом, и женщине никогда не удаётся так хорошо поесть, как на этих поминках» [Миллер, 1992: 472].

Получается так, что в настоящее время мужчины всё-таки одержали верх «в своём восстании», и «*сабатизэртæ*», которые справляли исключительно женщины, стали приоритетом и для мужчин с той целью (вкусно поесть), о чём так остроумно писал В.Ф. Миллер.

У осетин к покойнику было двоякое отношение. Прежде всего, они старательно выполняли обычаи предков, чтобы их не высмеяли сородичи и односельчане, а, во-вторых, они боялись умершего и старались его задобрить, выполняя все нужные обряды поминовения, ибо у покойника могли быть претензии к оставшимся членам семейства.

На похороны не полагалось приходить с пустыми руками, поэтому каждый из родственников приводил «*кусарт*» – жертвенное животное, приносил муку, напитки. Раньше *сабæттаг* не знали. В большинстве случаев приношения бывали кстати, поскольку хозяевам приходилось кормить и поить большее количество участников ритуала. Это наблюдалось также в поминальных обрядах горцев Восточной Грузии (пшавы, хевсурцы, тушинцы, мтиулы); в Хевсуретии в течение года, помимо периодически проводимых ритуальных трапез, в день кончины, а в Пшавии и Тушетии – каждую субботу – накрывали «*табла*» для усопшего [Хизанишвили, 1940:88]. Замечу, что у южных осетин до последнего времени использовали этот термин, видимо, под влиянием грузин, причём даже существовало проклятие: *Дæ табла дын ахæрон*. – букв. «Чтобы я поел твои поминальные приношения».

Когда сейчас некоторые состоятельные люди принимают предназначенное для поминок, а также сборы (*сабæттаг*) не столько ради денег, сколько по привычке – «так велит обычай», и, видимо, думают, что по-другому не может быть. Хоча заметить, что в недалеком прошлом материальная помощь семье усопшего оказывалась лишь узким кругом родственников, друзей и соседей. И никому из предков не приходило в голову составлять списки, которые сейчас хранятся в семьях пострадавших, нуждающихся, которым надо кормить и одевать малолетних детей, – получается, что вносят свой денежный взнос в порядке помощи тем, кто помог им, и даже тем, кто не нуждается в их помощи. Несостоятельный, необеспеченный человек страдает не только материально, но и морально: его преследует чувство вины по поводу того, что сумма его взноса на фоне других может оказаться мизерной.

К сожалению, мы довели этот обычай до абсурда, и сегодня помощь оказывают и те, кто не может ее оказывать, и тем, кто совершенно не нуждается в ней. К нашему великому огорчению, обычай взаимопомощи становится одной из форм угождения и задабривания «нужных» людей. Часто на похоронах собирается такая большая сумма, которой более чем достаточно на все расходы (у бедных такое полностью исключается), и семья приобретает предметы роскоши – машину, мебель, зная, что в сумме этих денег находятся последние копейки и тех, кто отдает свои пенсионные сбережения. Но ведь обычай всегда запрещал эти денежные пожертвования и материальную помощь расходовать на что-либо

другое. Думаю, было бы нечестно говорить только о негативных сторонах нашего общества. Следует отметить ту помощь, которую наши люди оказывают больным, нуждающимся; можно привести много случаев, когда они хоронятся на средства соседей. Многие состоятельные молодые люди оказывают безвозмездную помощь в таких случаях. Как говорится, *алкамагн йа мардта рухсаг*, букв. «каждому царствие небесное его покойникам», мы не против поминок (их устраивают в той или иной форме все народы мира). Мы против их разорительного масштаба. Сегодня мы говорим о разумном переосмыслении поминок, очищении их от всякого рода наслоений и излишеств.

Ежевечерне, в течение трёх дней, предшествовавших погребению, соседи должны были готовить погребальный ужин «*ахсаваар*», для чего каждая семья должна была принести для ужина чётное количество хлебов *кардзынта* – от четырёх до десяти (количество устанавливалось в день Тутыра) – и *цахдон* – похлёбку из фасоли или трав, масло в него не клали. Считалось, что каждая семья этими приношениями «кормит» своих ранее умерших, которые в эти дни тоже ждут; каждый ел свою порцию поминальной пищи. По осетинским представлениям, в загробном мире, так же, как и на земле, выделяется «приёмщик» хлебов и прочих продуктов, который затем распределяет их тем, чьи родственники приняли участие в складчине для «*ахсаваар*» – ужина.

Столы накрывались ближе к полуночи. Мужчины и женщины сидели отдельно: дети и молодые не оставались на ночь возле усопшего.

Бодрствующие развлекали друг друга различными рассказами, это было в обычае, а если покойник был в возрасте, то допускались шутки, смех, откуда осетинская поговорка: *Мардадзы дар ана фахудга на ваййы*. – «Даже сидя возле покойника, люди не обходятся без смеха». Во время ночных бдений нельзя было рукодельничать: вязать, штопать, шить и т.д. На период, пока в доме покойник, нельзя было заниматься иными делами: готовить, вязать, шить, кипятить воду и т.д. (Болатева Н.А., 78 лет, с. Сатикар).

У осетин существовал обычай, согласно которому первые три дня до погребения в доме умершего не полагалось готовить горячую пищу, нельзя было разжигать огонь, кипятить воду, купаться и т.д. И, самое главное, нельзя было есть мясо. Все приношения, о которых говорилось выше, были постными. Действительно, члены се-

мьи покойного и родственники, оставшиеся в его доме в первые дни, а также приходившие с соболезнованиями, питались той едой, которую приносили односельчане и родственники (Гиголаева М.М., 90 лет, с. Кохат).

Аналогичные обряды мы находим и у народов Северного Кавказа. Так, у карачаевцев, по обычаю, «в семье усопшего в течение трёх дней готовить пищу не полагалось. Поэтому родственники по атаулу и соседи обязаны были помочь своему родичу кормить членов его семьи и гостей, прибывших выразить соболезнование» [Карачаевцы, 1978: 261].

Аналогию можно привести не только по Кавказу. Весьма интересны сравнения с обрядами итальянцев. «В Сицилии в дар семье умершего приносили подношения в виде продуктов, как для поддержания её жизни (в течение трёх дней родные усопшего не разжигали огня в доме), так и для устройства поминок» [Pinna, 1921: 41. Цит. по: Фаис: 2011].

В редких случаях поминки готовила и устраивала сама семья умершего, но чаще всего блюда для поминальной трапезы стряпали и посылали семье умершего односельчане, соседи, друзья, поскольку в этот день женщинам из семьи умершего возбранялось делать что-либо. Оценивая эту практику консолидации локального коллектива в минуту скорби, традицию взаимовыручки и взаимопомощи, автор пишет, что в горе все сплывались воедино, и не было ни богатого, ни бедного, и сегодня ты помогал, чтобы завтра выручили тебя, и на том держалась жизнь. Во время поминок соседи-«распорядители» пристально следили за тем, кто сколько ест, дабы сакральное значение трапезы не подавлялось гастрономическим интересом, и при необходимости делали замечание.

Кроме того, считалось дурным тоном напиваться на поминках, а норма предписывала выпивать не более 2–3 стаканов вина [Pitre, 1993: 239; Buttitta, 1978: 19. Цит. по: Буттитта: 2011].

По предположению Г.П. Снесарева, запрет в течение трёх или более дней разжигать огонь и готовить пищу в доме умершего связан с представлением о сакральной нечистоте мёртвого и восходит к зороастризму [Снесарев, 1969: 131, 137].

Представление осетин о нечистоте трупа, определяющее целую серию ритуальных действий, находит аналогии в верованиях многих народов мира.

У курдов в день похорон не делается никакого угощения в память умершего:

«В доме усопшего не готовят. Соседи приносят еду для семьи покойного. Первое угощение в память умершего (*хейрат*) организуется на третий день после смерти, затем на седьмой день, сороковой день. Наконец, в годовщину смерти устраивают большой праздник для всей деревни *иллик-хейрат*» [Никитин, 1964: 189].

В Хорезме поминками отмечают третий, седьмой, сороковой дни, а также годовщину смерти. Здесь мы имеем дело уже со строго индивидуализированным ритуалом. Это проводы души (духа) определённого умершего человека. Поминальные трапезы, происходящие в указанные выше сроки, – это периодическое кормление, поддержание души, совершающей свой загробный путь, хотя первоначальный смысл ритуала, вне всякого сомнения, был именно таков [Снесарев, 1969: 123]. Страх перед усопшими, чтобы они не разгневались на живых, заставляет часто осетин-горцев делать повторные поминки по ушедшим. Такие случаи многочисленны, но мы приведём рассказ, записанный И. Давидовым: «У осетин не в обычае отправлять поминки по истечению двух лет. Однако семья Годжиевых решила справить поминки по отцу, умершему шесть лет назад. Они объяснили это тем, что выполняют волю покойного отца, который передал им бывший на том свете односельчанин Дуда Алидзов. По рассказам пришедшего с того света, покойный отец их страдает там голодом и желает, чтобы они справили по нему поминки. Перед ним (отцом) на том свете стоит круглый стол *фынг*, на котором лежит огромный круглый хлеб, но настолько сырой, что есть его совсем было нельзя» [Давидов, 1873: 145].

В связи с этими обрядами вызывает интерес обычай покрытия лица умершего.

У осетин, как и других народов, лицо умершего покрывают покрывалом или белой простыней ещё до того, как уложат его в гроб. Открывают его только во время оплакивания. Оно бывает открытым до тех пор, пока не зажигаются поминальные свечи во время «*ахсавар*». На ночь, вечером, когда прекращается плач (после захода солнца не принято плакать), лицо снова закрывают. Думается, что эти действия связаны с ограждением покойного от «злых духов». Ср.: «По мнению хантов, умерший переставал видеть, слышать, обонять, окончательно теряет всякую связь со здешним миром и, с другой стороны, тем самым преграждается путь для выхода его от злого духа, который может вредить живым» [Кызласов, 1960: 148].

Но похоронные обычаи народов Сибири не подтверждают однозначность толкования погребальных лицевых покрытий только как средства изоляции мёртвого от живых, как средства защиты живых от мёртвого. Прежде всего, «лицевое покрытие не было предназначено для того, чтобы покойник ничего не видел и не слышал, поскольку перед ним ставили еду, питьё, с ним разговаривали, его развлекали, в головах покойника ставили источники света. Не было изоляции покойника и от живых, к умершему относились как к живому человеку, без боязни». [Семейная обрядность...:1980]. Подобное отношение мы наблюдаем и у осетин, когда покойника обмывают, одевают в лучшую одежду, а потом у изголовья кладут еду, питьё и зажигают свечи. Следовательно, отсутствует страх, остаётся желание угодить ему, охранять его три дня и три ночи. Если же выходили поесть во время ночных бдений, то возле покойника всегда оставался сидеть человек. Его не оставляли одного. Что же касается покрывала, то в семантике погребального лицевого покрытия как бы накапливались различные функциональные значения. Вероятно, наиболее ранняя функция – защита головы, защита жизненной силы важнейшей части тела от разложения. Этнография фиксирует значение лицевого покрытия и как защиту умершего от злых духов. Весьма интересный материал в связи с этим приводит Арнольд Ван Геннеп в «Обрядах перехода». «Почему, – спрашивал себя Плутарх, – покрывают голову, поклоняясь богам? Ответ прост: «Чтобы отделиться от мирского и находиться только в сакральном мире» [Геннеп, 2002: 153].

Список литературы

1. Буттитта И. Э. Хлеб и праздник на Сицилии // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 1.
2. Геннеп ван А. Обряды перехода. – М., 2002.
3. Давидов И. Из суевий Осетии // Газ. «Терские ведомости». – 1873. – № 49.
4. Карачаевцы. – Черкесск, 1978.
5. Кызласов Р.А. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. – М.: Наука, 1960.
6. Миллер Вс. Осетинские этюды. – Владикавказ, 1992.
7. Никитин В. Курды. – М., 1964.
8. Очиаури Т. Похоронные обряды Картли в древности и сегодня. – Тбилиси, 1987.
9. Семейная обрядность народов Сибири. Институт этнографии АН СССР. – М., 1980.
10. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М., 1969.
11. Терские ведомости. – 1871. – № 47.
12. Фаис О.Д. Празднование «Дня мёртвых» на Сицилии // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 6.
13. Хизанишвили, Н.(Урбели). Материалы по этнографии Грузии. – Тбилиси, 1940.
14. Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. – Тифлис, 1913.

References

1. Buttitta I. E. Khleb i prazdnik na Sitsilii //Etnograficheskoye obozreniye. 2011. no. 1.
2. Gennep van A. Obryady perekhoda. M., 2002.
3. Davidov I. Iz suyeveriy Osetii // Gaz. «Terskiye vedomosti», 1873, no. 49.
4. Karachayevtsy. Cherkessk, 1978.
5. Kyzlasov R.A. Tashtyyskaya epokha v istorii Khakassko-Minusinskoy kotloviny. M.: Nauka, 1960.
6. Miller Vs. Osetinskiye etyudy. Vladikavkaz, 1992.
7. Nikitin V. Kurdy. M., 1964.
8. Ochiauri T. Pokhoronnyye obryady Kartli v drevnosti i segodnya. Tbilisi, 1987.
9. Semeynaya obryadnost narodov Sibiri. Institut etnografii AN SSSR. M., 1980.
10. Snesarev G.P. Relikty domusulmanskih verovaniy i obryadov u uzbekov Khorezma. M., 1969.
11. Terskiye vedomosti. 1871. no. 47.
12. Fais O.D. Prazdnovaniye «Dnya mertvykh» na Sitsilii // Etnograficheskoye obozreniye. 2011. no. 6.
13. Khizanishvili, N. (Urbneli). Materials on the Ethnography of Georgia. Tbilisi, 1940.
14. Chursin G.F. Ocherki po etnologii Kavkaza. Tiflis, 1913.

Список информантов

1. Сиукаева Анна., 78 лет, с. Прис.
2. Болотаева Н.А., 78 лет, с. Сагикар.

3. Гиголаева М.М., 90 лет, с. Кохат.
4. Кумаритов Л.В., 77 лет, с. Сарабук.

The list of of informants

1. Siukayeva Anna., 78 let, s. Pris.
2. Bolotayeva N.A., 78 let, s. Satikar.
3. Gigolayeva M.M., 90 let, s. Kokhat.
4. Kumaritov L.V., 77 let, s. Sarabuk.

Рецензенты:

Чибириков Л.А., д.и.н., профессор, зав. отделом этнологии, заслуженный деятель науки РСО-А и РЮО, главный специалист ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВЦ РАН и Правительства РСО-А», г. Владикавказ;

Бесолова Е.Б., д.ф.н., доцент, заслуженный деятель науки РСО-Алания, ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания, ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВЦ РАН и Правительства РСО-А», г. Владикавказ.

Работа поступила в редакцию 10.09.2013.